

ДЕГТЯРЁВА

ВУДХИЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дегтярёва
ВУДХИЛ

«Автор»

2026

Дегтярёва

ВУДХИЛ / Дегтярёва — «Автор», 2026

Думаешь, вечная тошнота — это всего лишь непереносимость лактозы? Или этот тихий провинциальный городок планомерно опаивает тебя дурманом, чтобы ты не задавала лишних вопросов? Частный детектив Кассандра возвращается в Вудхил, ведомая одной целью — найти пропавшую десять лет назад дочь и мужа. Но получив загадочный конверт с приветственной открыткой, она натывается на стену векового фанатизма и зловещую общину «Кровь Архемола». До роковой годовщины остаются считанные часы. Кэс готова пойти на всё, но примут ли её правила этой безумной игры или кем-то придётся пожертвовать?

© Дегтярёва, 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. БАРХАНЫ	6
ГЛАВА 2. КОНВЕРТ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дегтярёва ВУДХИЛ

ДЕГТЯРЁВА

ВУДХИЛ

Повесть-триллер

Ярославль

2026

ГЛАВА 1. БАРХАНЫ

Нельзя предугадать, когда объятия станут последними. Какое слово будет произнесено и будете ли вы вспоминать об этом после. Самые сложные, сильные чувства оставляют после себя паутину, которую рано или поздно придётся бережно распутать. Нельзя, ни в коем случае нельзя рвать её, ведь тонкие нити, что каждый из нас плёл с чистой надеждой, смогут пригодиться в самые неожиданные моменты. Будь то страх или любовь, боль и разочарование или самое что ни на есть искреннее счастье — все они фундамент нас, нашего будущего, но они же и отражение нашего прошлого.

В каждой походке, что вы встречаете на улице, в каждой натянутой улыбке и пустом взгляде сокрыто нечто большее, чем обычная озлобленность или надменность. Как я раньше думала. Но со временем эмпирическим путём выясняется, что я приписываю несуществующий эмоциональный интеллект всем окружающим, забывая: не все обладают в целом интеллектом. Хорошо то или плохо — решать не мне, так как решение моё никому бы не понравилось.

Семь лет работы частным детективом за моими плечами показали, что горячие слёзы не всегда равны горести, сочувствию или раскаянию. Под масками обычных людей прячутся монстры. Рождают их или, чёрт бы побрал, делают — не так важно для меня. Важнее, чтобы действия против человечности не были совершены вовсе или, говоря честнее, были зарублены на корню.

Желание стать детективом не росло во мне с детства. Будучи мягким пластилиновым человечком, я слишком нежно носила своё сердце. Ропотно, как маленький оленёнок, оглядывалась на старших и, как любой другой ребёнок, закрывала глаза на жестокость этого мира. Поговаривают, словно нет вокруг взрослых — вокруг только выросшие дети. Вот только если взрослых не существует, то кто приносит разделочные ножи в песочницу?

Так... к чему это я? Точно. Именно события, произошедшие почти десять лет назад, сделали меня чёрствой брюзгой, не имеющей ничего общего с тем оленёнком. Хотела бы я изменить прошлое? Тысячу раз — да. Могу ли я его изменить? Могу ли?

Начав вчерашний, привычный рабочий день с кружки крепкого кофе, купленного в кофейне напротив, я забурилась к себе в арендованный кабинет на углу старого кирпичного дома. Мне нравилось наблюдать, как ранним утром едва проснувшиеся жители топают по своим делам, при этом абсурдно никуда не торопясь. Кто-то выгуливал собак, героически вытерпевших холодные зимние ночи; кто-то отвозил своих детей в школу, попутно заскочив за свежей выпечкой в местную небольшую пекарню.

По понедельникам и пятницам тётушка, пережившая всех президентов всех стран, любила нарушить моё пространство и присесть на уши. То она жаловалась на подгоревшие пирожки, то на просевшие продажи в зимний период. А после того, как я посоветовала ей не закрывать свой магазин цветов, а настроиться на тематические продажи венков и сухоцветов, та стала таскать мне свои пироги пару раз в неделю.

Раздражение пропадало постепенно. С разговорами о жизни она так же жаловалась и на свою внучку. Была ли та неформалкой, вызывающей — мне не особо интересно. Но когда Мари сетовала на неё, её голос всегда был полон доброй нежности и старческой грусти. В те моменты я задумывалась: *«Какая моя дочь сейчас?»*

— Кассандра! На кой ты в этих бумажках?! Посмотри, какие я корзиночки испекла! — открыв дверь кабинета ногой, Мари клещами вытащила меня из мыслей.

— Мари! Я работаю! — с наигранностью, словно не ожидая её, ответила я. — И сто раз просила звать меня Кэс.

Перекладывая папку на папку, я погладила обложку толстого ежедневника и, принимая капитуляцию, слегка склонила голову над столом, ожидая «плодотворного» разговора.

— Да-да! Помню! Но твоё полное имя я люблю больше! Всегда любила мифологию.

— Что-то УЖЕ успело произойти за утро? — нащупав под рукавом рубашки циферблат, я глянула на него: — Семь тридцать утра, тётушка!

— Ты и представить не можешь!

Мари поставила свою выпечку на край стола. Пытаясь пододвинуть кипу бумаг, она упёрла их в мои лежащие на столе скрещённые руки. Опираясь на одну руку, я отклонилась посмотреть в сторону: на другой её руке висела, судя по виду, сумочка с чем-то увесистым.

— Что творится с нынешними детьми! — сев на стул напротив меня, продолжила Мари. — Вот! Посмотри!

Из сумки она достала несколько молодёжных журналов с яркими людьми на них и какими-то тривиальными советами.

— Обычные журналы, — перебирая их из одной руки в другую, ответила я ей. — Что-то конкретное не так?

— Нет, ты вот сюда погляди!

Она открыла один из них, на обложке которого был голый по торс парень, и пролистала до середины:

— Это что за срам?! Они же тут голые! Ещё и косметикой обмазанные!

— Мари, — я бегло пробежалась по фотографиям и статьям, — это всего лишь артисты.

— Но в нашем же времени такого не было!

— В «нашем»? Это в каком таком «нашем»? — вернув прессу на место, я посмотрела на неё исподлобья.

— Не пойми меня превратно, ласточка, все мы когда-то были молоды, я про то!

— Кто-то вчера, а кто-то лет сорок назад?

— Кассандра! — Мари удивилась и приложила руку к груди, изображая ошеломлённость.

— Кэс.

— Кассандра! Так нельзя! — цокая, она покачала головой.

— Да, Мари, прости. Не хотела тебя задеть.

— Ой, нет! Ни капельки не задела! Я про этих голожопых странных личностей!

Мне с трудом давалась данная беседа. Зная, что Мари не терпит табачного дыма, я встала поближе к приоткрытому окну и зацепила предпоследнюю сигарету из пачки.

— Милочка, ты ведь знаешь, не люблю! — тыкала Мари пальцем в уже подожжённую сигарету.

— Так... не кури в таком случае. У меня ещё есть планы на сегодня, ближе к сути, Мари. Буркнув, старушка убрала журналы назад в сумку.

— Вот что мне с ней делать?

— С кем?

— С внучкой моей!

— Мари! Я думала, это твои журналы.

— Кассандра!

— Кэс.

Потерев переносицу, я выдохнула дым, что жёг мне горло, в оконную щель.

— Ну, во-первых, перестань красть у подростка журналы.

— Но я не...

— Тчш. Во-вторых, спокойно поговори с ней и узнай об интересах. Может, там изображён кто-то из любимых исполнителей. И, Господи, в-третьих, прими тот факт, что ей не должны обязательно нравиться артисты пятидесятых.

— Семидесятых! Откуда она вообще взяла эту гадость... — парировала Мари.

— Да хоть сороковых! Хочешь быть хорошей бабушкой — не препятствуй, а наставляй. На этом всё, я так полагаю?

Затушив сигарету в пепельнице, стоящей на подоконнике, я вернулась к себе за стол.

— Ох, Кассандра! Знаю, ты права! Всё никак не могу привыкнуть, что время так скоро-течно...

Картина, как Мари профессионально изображает тоскливую старушку, не рисовала во мне никаких эмоций. Но я знала, чего она хотела, — я подошла к ней и крепко приобняла, похлопывая по спине. В ответ Мари обхватила мою руку своей.

— Ах, какая же ты славная, Кассандра!

— Кэс.

— Да-да, Кассандра.

Ссылаясь на накуренное помещение, тётушка поспешила в свой магазинчик. Но на выходе окликнула меня:

— Ах, да, зачем я приходила-то!

Вновь оказавшись у моего стола, Мари вытащила из сумки бежевый запечатанный конверт.

— Кто-то просил тебе передать его.

— Кто?

— Не знаю, душенька. Хорошего дня!

Для того чтобы оплачивать здесь аренду, я сдаю наш семейный дом, находящийся за несколько областей от Вудхила. Вообще, как и было сказано ранее, спешка этому месту не присуща. Находясь на возвышении, Вудхил частенько обволакивает туман, спустившийся с гор, что нависали над нами. Лес, обнимающий здания, создаёт ощущение безопасности для местных. Для меня же этот лес — неприкрытая ничем улика, которую никто так почему-то и не обнаружил.

Окончательно перебралась я сюда год назад, на девятую годовщину пропажи моего мужа и дочери в здешних лесах. Именно тогда Тречер узнал, что был рождён в этом городе. Со своими опекунами он не общался плотно, а меня и вовсе не посвящал в процесс поиска данных. Лишь помню, как застала его за ноутбуком, когда он жадно впитывал информацию о ранее незнакомом Вудхиле. А ввиду того, что мой муж был любителем походов и жизни в палатках, на свой отпуск, который был в начале января 2016 года, он решил выбраться сюда. Узнать о городе изнутри, заглянуть в архивы и, конечно же, побывать на туристических тропах вокруг самой горы.

Первую неделю Тречер как раз посвятил посещению музеев, городского архива и библиотеки. Само собой, я и маленькая трёхлетняя София сразу решили разделить его восторг и присоединились к поездке. Как я поняла, муж хотел найти своих родных, если те ещё были живы и оставались в Вудхиле. В таком вопросе я не могла принимать решений — зная, как это было важно для него, остаться с дочерью дома я сочла невозможным. Мы могли бы попросить кого-то посидеть с Софией, но у Тречера не было близких родственников, а за моими — нужен был уход. Мы оба боялись оставлять её на непроверенную няню, с учётом капризного возраста. Так мы и оказались в первый раз в Вудхиле.

Тречер быстро освоился, стал своим, словно и был тем выпавшим когда-то кирпичом у мэрии, украшавшим морозный пейзаж. Смешнее даже не то, что никто его не уместил в законный пробел в кладке, а то, что рядом поставили информативную табличку, возводящую обычный камень в достопримечательность. К воскресенью начало казаться, будто муж поник: стал менее общительным, всё рылся и рылся в очередных бумагах. Сборы в горы оживили его, благо свой девяностолитровый рюкзак он укладывал сам. Мой был поменьше, но туда

требовалось спрятать и детские вещи Софии. За день мы полностью подготовились, заранее закупившись продуктами на несколько дней, и в пять тридцать утра уже выдвинулись в дорогу.

Как я и сказала, София достигла капризного возраста, потому мы делали частые остановки, чтобы не перегружать её. Лишний раз и вовсе приходилось нести дочь на плечах до момента подъёмов, где требовались трекинговые палки — передавали её из рук в руки наверх, как эстафету. Я, двадцатилетняя влюблённая овечка, до сих пор не понимала, зачем было заставлять идти нас так далеко с ребёнком...

После ряда небольших привалов и шести часов на ногах Тречер предложил сделать остановку на возвышенности, с которой сквозь макушки елей уже виднелись черепицы крыши городка. Не знала наверняка, собирался ли он гнать нас до самого пика, но к вечеру того же дня мы рассорились: я просила сократить отпуск, уместить всё в пару дней и уж точно не брать нас с собой на вершину. Мужу же не нравилось, что моя радость куда-то испарилась, уступив место непониманию. Он точно бредил о каком-то предназначении, о том, что духов горы необходимо уважить, якобы это помогает жить самому Вудхилу. Будучи абсолютно нерелигиозным человеком, Тречер продавливал в меня свои идеи, намекая на то, что за последние дни я стала неблагодарной, что подвергаю сомнению его решения. Мы так и не помирились: фыркнув в разные углы палатки, легли спать, положив Софию посередине.

В три часа ночи я услышала глухой хлопок от падающего дерева и посмотрела на мужа... Но рядом никого не оказалось. Провела рукой: места были тёплыми. Вынырнула из палатки, впопыхах натягивая ботинки и пуховку, надеясь найти их недалеко. Но в непроглядной тьме снежных барханов не оставалось даже следов. Лишь немного пройдя вперёд, справа от основной тропы я поймала налобным фонарём отблеск одиноко лежащего детского ботинка.

Глупо было бы пропасть так же, уйдя глубоко в незнакомый лес. Все вещи остались нетронутыми; рассвет зимнего утра я встретила у палатки, так и не уснув. Спустя сотню попыток с помощью рации я смогла связаться с местными спасателями, и через несколько часов вокруг меня образовалась более опытная группа, выясняющая, где, что, как и когда.

ГЛАВА 2. КОНВЕРТ

Конверт, переданный от незнакомца, был плотно запечатан. Обычно посылки такого рода я сама оставляла своим нанимателям, наполняя их то необходимыми фотографиями, то документами. Не желая ждать, я надела латексные перчатки и принялась аккуратно вскрывать бумагу без особых надрывов.

«Так странно... большой конверт, а внутри открытка десять на двенадцать с надписью: “Добро пожаловать в Вудхил! Место, где вы найдёте покой!” — Издательство»

Ещё раз проверив внутренности конверта, я повертела в руках эту яркую бумажку и поняла, что давно не была в полицейском участке.

Резво минув проходную, я поспешила к Даниэлю — здесь он был чуть ли не единственным здоровым следователем, занимавшимся поисками пропавших. Иногда я даже жалела, что за неимением улик дело стухло и его закрыл тогдашний сыщик. Ехидству моему не было предела, так как через пару месяцев того сняли с поста и назначили Даниэля, хорошо зарекомендовавшего себя в двух громких делах о пропаже годами ранее.

После исчезновения самых близких мне людей я провела в Вудхиле около трёх месяцев, безуспешно обивая пороги значимых чиновников и полиции. Даниэль, насколько я знаю, родился в Вудхиле и мечтал искоренять преступность и помогать тем, кто в этой помощи нуждался. Его стремление творить добро и молодая кровь играли на руку, но даже он не смог заново открыть моё дело. Он лишь посоветовал тогда: «Знаю, что тебе нестерпимо больно от происходящей несправедливости, но я рекомендовал бы тебе вернуться и заручиться большей помощью». Большой помощи у меня, увы, не было.

Так как я рано забеременела, учёбу в юридическом пришлось отложить на неопределённый срок — роды были болезненными и длились несколько суток, а восстановление после вовсе не оставило мне шансов на мечту стать адвокатом. Именно тогда стало понятно: если дело зашло в тупик и никто его не расследует, то расследовать должна я сама. Потратив в общей сложности семь лет на теорию и практику, я вернулась в Вудхил.

Забыв о правилах приличия, я влетела в кабинет Даниэля без стука, застав его за распитием чего-то горячего. Коричневое пятно молниеносно разрослось на его белой рубашке из-за опрокинутой кружки, обжигая кожу.

— Твою мать, Кассандра! — взвизгнул он, судорожно ища салфетки, чтобы промокнуть пятно.

— Кэс, — невозмутимо ответила я, усаживаясь поудобнее в кресле напротив рабочего стола.

— Боже, Кэс! Сколько раз говорил тебе стучаться!

— Знаю, знаю, Даниэль. Но я пришла не с пустыми руками на этот раз!

— Нет, нет, нет. Ещё раз — нет!

— Даниэль, пожалуйста, — я нацепила запасные перчатки и бережно вытащила конверт из пакета. — Сегодня утром тётушка Мари принесла мне его. Можешь сверить отпечатки с базой подозреваемых?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.